

МОНСТР КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДРУГОГО В ГОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Готика концентрируется на темной стороне человеческой психики, на тех запретах и табу, которые присущи любому индивиду. Смерть, как известно, выступает фундаментальной движущей силой человечества, она всегда окутана пеленой таинственности и мистики, поэтому тема смерти является основополагающей для готической литературы. Во все времена человека интересовал вопрос конечности жизни и существования загробного царства, о чем свидетельствуют мифы и легенды стран и народов мира. Таким образом, у человека возникает идея своего мира, видимого и осязаемого, и чужого, скрытого от глаз и недоступного разуму, такое противопоставление ведет к появлению оппозиции Я–Другой. Столкновение с Другим, Чужим побуждает к анализу неведомых прежде чувств, а также может вызывать психологическую трансформацию личности.

Изображение ужасов, страшных сцен, устрашающих чудовищ можно обнаружить в литературе разных эпох («Сатирикон» Петрония, «Метаморфозы» Овидия, «Божественная комедия» Данте Алигьери). В готической литературной традиции страх и ужас вызывают присутствие неопытного, угрожающего жизни героев, страх зачастую облачается в физическую форму чудовища, монстра. Термин *монстр* восходит к латинскому *monstrum*, что означает растение или существо, рожденное с дефектом, уродством [1, с. 308–309]. В дальнейшем семантика слова расширилась, зачастую печать монстра лежит не на поверхности и не имеет физических проявлений, но отражается в аморальном поведении и действиях.

Монстром в художественной литературе может быть обозначен обличенный в физическую форму моральный порок. Дуглас Кован, канадский специалист в области социологии и религии, полагает, что человеческие страхи могут принимать облик монстра: «... то, чего мы боимся, как мы боимся, и способы, которыми мы реагируем на страх, глубоко сформированы культурами, в которых мы живем» [2, с. 171]. Таким образом, монстры воплощают тревогу и табуированные желания, они могут многое рассказать о человеке: как он себя представляет, чего боится, на что надеется и чего ожидает. Монстром является Другой, то есть не Я. Великое разнообразие монстров имеет и различное происхождение.

В литературе и культуре представлены различные категории монстров, например, монстр как представитель другой культуры (Чужой), как изобретение человека, как внутренний порок. Некоторые монстрами не рождаются, а становятся. Монстром может быть тот, кто не соответствует поведенческим нормам общества и физическому облику. В свое время в США с чудовищами как посланниками дьявола отождествляли индейцев, которые противопоставлялись общине пуритан. Рабы африканцы, отличавшиеся цветом кожи и традициями, также были Чужими. Все, что отличается от норм, принятых большинством, считается ненормальным, неправильным, соответственно, страшным, угрожающим общепринятому. Например, у Э. А. По в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» чужим и враждебным по отношению к героям выступает племя на Южном полюсе.

Зачастую монстрами являются те, кто способен скрыться в толпе у всех на виду, или те, кто, не отличаясь внешне, несет печать морального изъяна (Э. А. По

«Сердце-обличитель», Р. Блох «Психо», Дж. Фаулз «Коллекционер»). Так, в романе Н. Готорна «Алая буква» грехопадение, с точки зрения пуританского общества, – непростительный изъяз, отчуждающий героев от семьи, друзей и общества. Феномен двойничества также способствовал формированию представлений о монструозной сущности. Английский литературовед Брайан Стэблфорд отмечает, что подобного рода эволюция в представлении может быть объяснена исследованием антрополога Джозефа Кэмпбела, который полагал, что все монстры на пути испытаний героя на самом деле являются частью его собственной личности, и, чтобы подчинить их, следует их убить (Р. Л. Стивенсон «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», Э. А. По «Вильям Вильсон») [1, с. 310].

Чудовищные создания часто ассоциируются с различными болезнями, монстры не обязательно должны иметь устрашающий вид, они пугают потому, что нарушают установленный порядок вещей, им свойственны пограничные состояния: они не живы и не мертвы (привидения, зомби, вампиры) или являются гибридными существами (оборотни, гуманоиды). Например, дух Мореллы в рассказе Э. А. По «Морелла» продолжает жить и после смерти. Рассказчик задается вопросом, есть ли жизнь после смерти и что происходит с душой умершего, что есть личность, сознание живого существа, чем оно отличается от «всех других существ, которые мыслят. <...> Представление о личности, которая исчезает – или не исчезает – со смертью, всегда меня жгуче интересовало» [3, с. 8]. Ее невидимое присутствие в духовном и телесном облике дочери вызывает ужас и тревогу у героя. Таким образом, умершее воплощается в живом, пограничное состояние намекает на ее противоестественность, она (Морелла) пришла из мира, неизвестного ни одному живому существу, и поэтому отталкивает. Все, что вызывает чувство страха, как полагает американский ученый Дозель Карролл, является неизведанным и лежит за пределами культурных категорий [4, с. 35].

В противоположность монстрам, которые являются таковыми, потому что отступили от общепринятых норм и порядков, и которых считают чудовищными из-за их внешнего вида, существует категория монстров, отличных от физического облика человека и представляющих собой враждебные по отношению к человечеству существа (пришельцы, дикие животные, мутанты). Так, животные становятся источником страха в рассказах А. Бирса «Человек и змея», «Глаза пантеры».

В конце XIX – начале XX века возникает категория монстров, пришедших из космоса. Такого рода чудовищ неземного происхождения мы встречаем у Г. Ф. Лавкрафта, Г. Уэллса. Космические божества, созданные Г. Ф. Лавкрафтом, обладают огромной силой, способной уничтожить все человечество. Эти создания часто обозначаются местоимением «оно», что подчеркивает их нечеловеческий характер («Дагон» Г. Ф. Лавкрафта). Монстры Г. Ф. Лавкрафта пришли из космоса, из-за пределов известного человеку пространства. Чудовища Г. Ф. Лавкрафта трудно представляемы, они совершенно чужеродны, как, например, в рассказе «Шепоты во мраке» чудовища «своими размерами и формой даже отдаленно не напоминали человеческие тела. С другой стороны, свидетели считали, что эти предметы не были похожи ни на одно животное, обитающее на территории штата Вермонт. То были розоватые полутораметровые тела, покрытые какой-то коркой или панцирем; у каждого из них имелось несколько пар суставчатых конечностей, на спине красовалась пара широких плавников, сильно напоминавших

перепончатые крылья, а там, где должна была находиться голова, наличествовало нечто изогнутое и яйцеобразное, увенчанное множеством коротких антенн» [5, с. 278].

Таким образом, в готической литературе монстры принимают различные облики, некоторые ужасающи снаружи, в то время как в других опасность скрывается в их двойственной натуре, неустойчивой психике. Через столкновение с Другим человек не только осознает свое место и роль в современном мире, но и постигает тайны своего внутреннего Я.

Литература

1. Stableford, B. Monster / B. Stableford // Science fact and science fiction: an encyclopedia. – London ; New York, 2006. – P. 308–310.
2. Cowan, D. E. Sacred terror: religion and horror on the silver screen / D. E. Cowan. – Waco : Baylor Univ. Press, 2008. – X, 315 p.
3. По, Э.А. Морелла / Э. А. По // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1993. – Т. 2 : Проза. – С. 7–12.
4. Carroll, N. The philosophy of horror, or Paradoxes of the heart / N. Carroll. – New York : Routledge, 1990. – 272 p.
5. Лавкрафт, Г. Ф. Шепоты во мраке / Г. Ф. Лавкрафт // Локон медузы / Г. Ф. Лавкрафт. – Тольятти: Екатеринбург, 1993. – С. 276–355.